

Моё веко дёрнулось — предчувствие беды. Наблюдая, как У Ша и его свиту под сопровождением охраны поднимают на палубу, я вернулся на своё место. Ван Усе тяжело ступал по ступеням. Ему было за пятьдесят, но старость его не коснулась — он всё так же был могуч и величественен, отчего мы все казались щуплыми. Его взгляд скользнул по мне, на мгновение задержался, и в глазах мелькнула тень сожаления, прежде чем он повернулся к Сяо Ланю. Как правитель союзного царства, он был равен Сяо Ланю в статусе, потому не стал кланяться, а лишь поднял бокал в приветствии. Сяо Лань ответил тем же.

Я заметил, что Сяо Ду пристально смотрит на У Се, и взгляд его был странным. У них обоих были редкие зелёные глаза, острые и глубокие, как у волков. Меня осенила догадка: а что, если У Ша скрывался во дворце из-за Сяо Ду? Была ли между ними какая-то связь?

От этой мысли меня бросило в дрожь. Тут из свиты, сопровождавшей У Се, вышла женщина в красном, с лицом, прикрытым фатой, и волосами, убранными костяными шпильками. Её наряд был явно свадебным, и с первого взгляда было ясно — особа не простая. Так и есть, У Се громко объявил:

— Это моя младшая сестра. Она прибыла, дабы лицезреть величие государя царства Мянъ.

Прибыла в свадебном наряде — ясно, что не только «лицезреть» она жаждет, но и занять пустующий трон императрицы.

И кому теперь Сяо Лань сможет подсунуть эту навязанную невесту? Отказаться невозможно.

Взгляд Сяо Ланя стал пристальным. Он жестом пригласил её сесть:

— Полагаю, это и есть принцесса У Цзя, святая дева Учения Небесного Волка?

— Именно так, — ответила У Цзя на беглом языке Мянъ, явно подготовившись заранее.

Учение Небесного Волка было государственной религией царства Чи. Если Сяо Лань выдаст святую деву замуж за принца, это может разгневать Ван Усе и вызвать войну. Но если У Цзя выйдет замуж сюда, то Сяо Ланю, вероятно, придётся отправить царственную девицу туда в качестве ответного жеста. Так царства Мянъ и Чи станут неразрывными союзниками. Плохо это. Рассеянно подняв бокал, я нечаянно расплескал вино на одежду и приказал стоявшему рядом Лян Жаню помочь мне переодеться.

Едва я скинул верхний халат, Лян Жань вскрикнул:

— Ваше Величество, что с вашим телом?

Я взглянул в зеркало и с ужасом обнаружил, что кожа покрылась неровным румянцем, а на животе проступили кровавые точки. Сердце упало — я вспомнил о вэньна. Само по себе оно не ядовито, но, возможно, в нём было что-то ещё. Седьмой брат хотел отравить Сяо Ланя.

Яд действовал медленно. Не сними я одежду — не заметил бы.

А он, видя, что я принял снадобье по ошибке, даже бровью не повёл.

Сяо Шунь... должно быть, ненавидит меня.

Брат мой... Я так к тебе относился, а ты смотришь, как я умираю.

Неужели думаешь, что это я донёс отцу о твоей связи с пятой сестрой?

Меня охватил леденящий холод. Я достал пилюлю, данную мне Бай Ли, проглотил её и приказал Лян Жаню принести воды. Тот, заметив моё смятение, в панике подал бокал. Я, не отрывая взгляда от зеркала, сделал глоток и лишь тогда понял — это вино.

— Я просил воды! Что за вино?! — я резко изменился в лице и ударил его со всей силы. Лян Жань пошатнулся, ударился головой о стену и потерял сознание. Я хотел позвать кого-то ещё, но в горле вдруг запылало, словно проглотил уголёк. Из носа хлынула струйка крови, упав на белоснежный парчовый халат и ало запестрел на ткани.

— Ко-ко мне... Помогите! — я кричал, но голос был слишком слаб, и никто не откликнулся.

Я, пошатываясь, выбрался наружу. Несколько слуг с криками «Верховный император!» бросились меня поддерживать. В этот момент корабль вышел на широкий плёс ниже по течению, поднялся ветер, судно закачалось. Когда слуги вели меня вдоль перил, кто-то сильно толкнул меня в спину.

Я потерял равновесие, тело стало невесомым, и в следующее мгновение ледяная вода сомкнулась над головой. Я изо всех сил вынырнул, но меня тут же подхватило и потащило течением. В мгновение ока мощная волна отбросила меня на добрые несколько десятков чжанов от Небесной ладьи. Силы были на исходе, плавал я с детства плохо, не говоря уже о том, что вокруг была ночная тьма. Я наглотался воды, потерял ориентацию и лишь смутно слышал вдалеке крики «Спасайте!», но не мог понять, откуда они. Вспомнив, что в этих водах водятся рыбы-людоеды, я запаниковал.

И в этот момент я почувствовал, как что-то, похожее на рыбий хвост, коснулось моей икры. Я оцепенел. Уже почти теряя сознание, я ощутил, как сильная рука схватила меня за предплечье, поднырнула под меня и вытолкнула на поверхность.

— Дядя, держись крепче! — рявкнул Сяо Ду.

Я, словно ухватившись за соломинку, вцепился ему в шею. Он двигался сильно и ловко, нырял сквозь волны и вскоре вытащил меня на отмель в речной излучине.

Он положил меня на гладкий валун. Я, словно рыба, выброшенная на берег, открывал рот, но не мог вдохнуть.

Сяо Ду несколько раз надавил мне на грудь, но вода не выходила. Тогда он одной рукой сжал мне челюсти, наклонился и губами приник к моим, высасывая запекшуюся кровь из дыхательных путей. Едва воздух хлынул в лёгкие, я закашлял. Сяо Ду не успел отстраниться и сглотнул кровь, которую я выкашлял. Он даже бровью не повёл, помог мне сесть и рукой стёр кровавые подтёки с моего подбородка. Я был в полубреду, но сознание ещё теплилось. Помня, что выкашлянная кровь отравлена, я схватил его за запястье, пытаюсь жестом показать, чтобы он скорее пил речную воду, но не смог издать ни звука.

Я онемел.

Кашляя, я приподнялся и попытался рукой разжать его челюсти. Сяо Ду, видимо, тоже почувствовал неладное. Он присел, зачерпнул горстью воды, выпил, перевёл дыхание и встал. Скинув промокший церемониальный халат до пояса, он предстал передо мной при лунном свете. Его крепкая спина была испещрена перекрещивающимися шрамами — явными следами битв в Инчжоу.

— Дядя, что ты выпил? — голос Сяо Ду стал хриплым, и в нём уже слышалась странность.

Меня охватила тревога — я боялся, что он умрёт от яда. Я жестами стал показывать, чтобы он пил больше воды. Сам я наглотался изрядно, и после того, как вырвал, стало легче. Сейчас внутри ещё тлел жар, но, кажется, серьёзной опасности уже не было.

Сяо Ду сделал ещё несколько глотков. И в этот момент послышался резкий свист, и ледяная вспышка пронеслась у самого моего уха. Сяо Ду мгновенно повалил меня на землю, обхватил и, перекатившись несколько раз, скрылся в прибрежном кустарнике.

Я затаил дыхание, прищурился и увидел несколько тёмных фигур, выходящих на берег из воды. Все они были с луками и одеты в одинаковые тёмно-синие мундиры с алыми воротниками — это были дворцовые стражи, сопровождавшие корабль. Но пришли они не спасать, а убивать.

Кто их послал? Не Сяо Лань. Если бы он хотел меня убить, сделал бы это давно.

Может, люди седьмого брата? Планировали убить Сяо Ланя, а увидев, что я упал за борт, решили прикончить и меня? Или же кто-то другой?

Дыхание Сяо Ду стало тяжёлым и частым. Мне пришлось прикрыть ему рот ладонью, но он схватил моё запястье и отвёл руку. Он уткнулся лицом в мою шею, сглотнул слюну, с трудом подавив дыхание. Его дрожащий кадык, словно раскалённое железо, прокатился по моей ключице, заставив сердце бешено забиться:

— Дядя... ты так хорошо пахнешь.

Я остолбенел, решив, что ослышался. И в этот момент почувствовал, как его зубы сжали мочку уха.

Я застыл, притворяясь безжизненным. Сяо Ду, однако, лишь распоясался ещё больше: откинул прядь волос у моего виска и принялся целовать шею под воротником.

Шуршание шагов становилось всё ближе. Я боялся пошевелиться, и в сердце уже закипало желание убить — вот только жаль, что минуту назад не дал этому волчонку умереть от яда. Но он игнорировал приближающуюся опасность, вовсю наслаждаясь моей шеей. Лишь когда убийца оказался в шаге от нас, он бесшумно вскочил, с точностью схватил того за горло, придавил к земле и, напрягши руку, сломал шею. Вся последовательность движений была молниеносной и беспощадной — точь-в-точь как у волка, набрасывающегося на добычу.

Я внутренне ахнул. С такой ловкостью, даже будь я в лучшей форме, вряд ли смог бы одолеть его в честном поединке. Подобрал лук убийцы, Сяо Ду пригнулся, бесшумно подкрался, натянул тетиву и выпустил стрелу. Каждая стрела находила цель. В мгновение ока вокруг воцарилась тишина.

Я хотел жестом посоветовать ему оставить одного живого для допроса, но он уже вернулся, взвалил меня на плечо и скрылся в глубине леса, остановившись лишь вдалеке от берега. Хотя и была летняя ночь, у воды было прохладно. Я чихнул. Сяо Ду прикрыл мне рот ладонью, прислушался — вокруг было тихо — и отпустил. Затем принялся развязывать мой пояс.

— Дядя, одежда промокла. Я помогу тебе её снять.

Я не мог говорить, поэтому лишь кивнул, бессильно прислонившись к стволу дерева.